

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
КУЛЬГАНЕК Ирина Владимировна

**МАЛЫЕ ЖАНРЫ
МОНГОЛЬСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА**

Специальность: 10.01.03 – Литература народов
стран зарубежья (литературы стран Азии и Африки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2008

Работа выполнена в Санкт-Петербургском филиале Института
востоковедения РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор
Ольга Борисовна Фролова

доктор филологических наук
Лидия Григорьевна Скородумова

доктор филологических наук
Евдокия Эрендженовна Хабунова

Ведущая организация:

Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии Сибирского Отделения РАН

Защита состоится «___» ____ 2009 г. в ___ часов на заседании Совета Д. 212.232.43 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 167 Восточного факультета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Н. Н. Телицин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и научная новизна работы. Монгольский поэтический фольклор имеет большое значение в трансляции традиционной культуры монгольского общества с древности до настоящего времени. Это определяет широкое распространение и актуальность изучения различных его форм и видов. Являясь выражением традиционного мировоззрения, устное народное творчество представляет собой основу передачи национальной картины мира, духовных ценностей, служит ориентиром этического поведения монгольского этноса, хранилищем его эстетических идеалов. Малые жанры монгольского поэтического фольклора наряду с крупными активно участвуют в сохранении национальной идентичности.

В современной науке не существует комплексного монографического исследования, в котором были бы системно проанализированы формальные и содержательные элементы малых поэтических жанров, в то время как потребность в подобном исследовании назрела. Она диктуется тем, что предшественниками автора диссертации (этнографами, фольклористами, мифологами, литературоведами и др.) накоплен и систематизирован достаточно презентативный материал по монгольскому фольклору, большая часть которого увидела свет в последние десятилетия, однако до сих пор не стала предметом специального исследования. Между тем к настоящему времени получили развитие прежние и выдвинуты новые теоретические положения в исследовании типологии фольклора в целом и малых форм в частности. Пришло время подвергнуть анализу работу монголоведов предыдущих поколений по сбору и осмыслинию монгольской поэтики, дать оценку и определить место их работы в мировой филологической науке.

Актуальность темы имеет два аспекта. Научный аспект проблемы заключается в появившейся возможности исследования поэтики монгольского фольклора на современном научном уровне, на котором уже проанализирован фольклорный материал других культур мира. Общественно-политический аспект заключается в необходимости привлечь внимание общественности к жанрам, являющимся маркерами национального самосознания народа, занимающими в последние десятилетия активные позиции в конструировании идеологем современной монгольской жизни.

Предмет исследования. Диссертация посвящена анализу поэтики малых жанров монгольского поэтического фольклора. Поэтика как научная дисциплина имеет собственный предмет изучения, который не растворен в общей теории литературы.

Поэтика монгольского фольклора отражает историю и контекст художественных явлений монгольского общества на разных стадиях его развития. Ею обусловлена и определена суть национального своеобразия, эстетических критериев и приоритетов, идейной направленности и структуры художественных произведений.

В настоящее время в мировом литературоведении признаны полноправными два значения этого понятия. В более узком – поэтика понимается как наука о совокупности компонентов художественной формы, к которым относятся явления стиля поэтического языка (метафоры, эпитеты, символы, иносказание, параллелизм и др.), структура текста (сюжет, композиция) и художественные приемы (ритм, метр, рифма, аллитерация и др.).

Более широкое толкование термина «поэтика» включает рассмотрение общих вопросов, связанных со словесным поэтическим феноменом. К таким вопросам относятся: методы отражения художественной действительности, ступени творческого процесса создания произведения, категории теории искусства, теории родов и жанров, связь поэзии с иными формами искусства.

Поэтика приобрела черты историзма, получившие законченный вид в «исторической поэтике» А. Н. Веселовского, и включила в себя наравне с теорией историю литературы. Это был значительный шаг в развитии мировой филологической мысли. Однако историческая поэтика не могла решить ряда специальных общетеоретических литературоведческих вопросов (таких как суть поэтического мышления, влияние внутренней формы слова на его смысл, структура словесно-художественного образа, путь образования художественного понятия). Закономерным было появление так называемой «теоретической поэтики» с ее центральными идеями лингвистической теории художественной литературы. Российское литературоведение представляет собой развитие и углубление основных положений как исторической, так и теоретической поэтики. Нами рассматриваются проблемы, входящие в понятие «поэтика» как в узком, так и в широком его понимании.

Объект исследования. Малые поэтические жанры – термин, используемый для обозначения корпуса текстов, относящихся к лирическому роду произведений по принятой в литературоведении классификации (эпос, лирика, драма). Этот пласт словесности включает два вида произведений – как собственно лирические, так и обрядовые (т. е. термин «лирический» имеет как родовой, так и видовой смысл). Количественный перевес приходится на обрядовые тексты, однако границы между ними и собственно лирическими размыты, явна тенденция перехода первых во вторые.

Среди лирической и обрядовой поэзии имеются песни, гимны, молитвы, поучения, славословия, благодарения, благопожелания, проклятия, возвзвания, просьбы, обращения, «слова, сказанные по случаю», баллады, заговоры, причитания, пословицы, загадки. Такое типовое разнообразие

объясняется существенной ролью регламентации повседневности в традиционном монгольском обществе: каждое событие в жизни человека, семьи, рода, племени освящалось обрядом, сопровождаемым словесным компонентом. Для изучения поэтического фольклора автором диссертации были использованы доступные произведения монгольских народностей, язык которых относится к собственно монгольскому. Бурятский и калмыцкий фольклор привлекался в той части, где он выражал черты общемонгольского. Современный фольклор не рассматривался из-за недостаточности имеющегося зафиксированного материала.

К главным особенностям монгольской народной лирики относятся: анонимность, вариативность, поздняя фиксация, включенность лирических фрагментов в более крупные произведения.

Почти все фольклорные произведения были записаны не ранее XIX в. Отсутствие записей предыдущего периода создает трудности при их изучении; о бытованиях ряда поэтических образцов приходится судить по косвенным данным, имеющимся в этнографических и исторических источниках. Подобные проблемы помогает решать включенность малых жанров монгольского поэтического фольклора в более крупные поэтические, прозоэтические и прозаические произведения: героический эпос (*баатарлаг тууль*), сказки (*улгер*), исторические и агиографические сочинения (*судар*, *намтар*, *туухэн зохиол*, *эрх товчоо*, *туух*, *тууж*), дидактические произведения, в том числе буддийские притчи (*авадан*) и рассказы о прежних перерождениях Будды (*шастир*, *цадиг*). Такие вкрапления с момента их вхождения в рукопись или ксилограф становятся явлением как письменной, так и устной традиции.

Большое влияние на народную лирику оказал буддизм, пришедший из Тибета. В поэзию активно проникали тибетские, индийские, китайские сюжеты, реалии, лексика, что способствовало формированию новых и наполнению иным содержанием старых фольклорных жанров. Наиболее наглядным примером служит трансформация жанров поучений (*сургаал*), восхвалений (*магтаал*) и «слов по слушаю» (*бэлэг дэмбэрлийн үг*). Параллельно с буддийской литературой продолжал существовать магический дошаманский, шаманский, конфессиональный фольклор, отражавший мифологическое мировоззрение этноса и содержавший «номадный» субстрат культуры. На поэтику народного стиха влияла также и авторская поэзия, активно заявившая о себе в период позднего средневековья. Взаимоотношения ее с фольклором были не просты и не статичны.

Методологические основы исследования. В диссертации учтен продуктивный опыт мирового литературоведения и, прежде всего,— достижения западных представителей историко-филологической школы (Т. Бенфей, М. Мюллер, Я. Гримм), обративших внимание на сходство сюжетов в произведениях разных культур, а также — российских ученых (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, П. В. Киреевский, А. Н. Веселовский), впервые указавших на связь народного творчества и литературы, видевших в

истории развития фольклора и литературы единую форму существования художественного слова.

При анализе своеобразия технических приемов и образов, необходимых для выявления конституирующих жанровых признаков, используется методология последователей историко-филологической школы – и тех, кто шел по пути историко-типологического изучения литературы (В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, А. М. Панченко, Д. С. Лихачев, Б. Н. Путилов), и тех, которые выбрали путь структурного анализа текста (Р. О. Якобсон, А. А. Потебня, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, В. В. Виноградов, Б. И. Ярхо).

Значительны для исследования поэтики мысли В. Б. Шкловского о приеме «остранения», существенны высказанные Ю. Н. Тыняновым взгляды на конструктивные принципы поэзии как на «деформацию значения ролью звучания». Важными для исследования языковой природы стихотворного ритма являются работы Л. И. Тимофеева, Б. В. Томашевского. Учен метод точного анализа текста ряда научных школ: тартуской, московской, а также французской. Немаловажны соображения К. Леви-Страсса о двух структурных уровнях мифа (наблюдения и конструкты) и Р. Барта – об активном начале литературы как пружины, гарантирующей развитие истории. Представляют для докторанта интерес идеи французских постструктуралистов (Ж. Бодрийар, М. Фуко, Ж. Деррида) о существовании «неструктурного» в структуре и предложенный ими метод «деконструкции».

В работе использованы суждения ряда отечественных ученых, которые признавали за фольклором в качестве главных его черт народность, реалистическое изображение действительности и понимание литературы как «художественного человековедения». Наиболее продуктивна основная идея этих ученых – отрижение органической отсталости литератур народов Азии и Африки. Плодотворным является также их интерес к проблеме типологического сходства литератур Востока и Запада (Н. И. Конрад, И. И. Толстой, М. Б. Храпченко, В. Е. Холщевников).

В этой связи в работе привлекаются точные методы исследования – статистические, математические, информационные.

В диссертации используется метод анализа поэтических текстов на разных структурных уровнях: на уровне фоники, т. е. звуков, приобретающих специфическое стихотворное поэтическое назначение (аллитерация, ассонансы, сингармонизм), метрики, т. е. стихотворных размеров (система стиха), строфики, лексики (метонимия, метафоры, тропы, сравнения, гиперболы), грамматики (синтаксис – противопоставление или сходство грамматических конструкций), семантики, т. е. смысла текста в целом. Поэтому оказалось необходимым учесть весь положительный и рациональный опыт мирового литературоведения, использовавшего как сравнительно-исторический, так и структурно-типологический методы исследования.

Изученность проблемы. Уже на раннем этапе знакомства России с монгольским устным народным творчеством (XVI–XVIII вв.) было признано

существование у монгольских народов собственного музыкально-поэтического синкретического искусства, установлены связи его с бытом, условиями жизни, наличие различных жанровых типов и вариантов произведений (Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, Д. Г. Месссершмидт, В. М. Баунин, В. И. Роборовский, М. В. Певцов, Н. Я. Бичурин).

Ученые XIX в. обратили внимание на структуру и художественные особенности монгольской лирики, на чередование стихов и прозы в монгольском эпосе, предприняли попытки перевода поэзии, открыли новые памятники, имевшие устную традицию передачи (Г. К. Габеленц, И. Я. Шмидт, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, А. А. Бобровников, Г. Гомбоев, Д. Банзаров, К. Ф. Голстунский, Г. Н. Потанин). Несколько позже, на рубеже XIX–XX вв. и в первой трети XX в., были поставлены вопросы, связанные с выявлением поэтических жанров, мастерством рассказчиков и певцов, исполнительскими школами и их соотношением (А. М. Позднеев, Вл. Л. Котвич, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадийн, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, Г. Дж. Рамстедт, А. Мостер).

В XX в. поэтика монгольского фольклора стала изучаться в контексте общемирового фольклорного процесса, были поставлены задачи выявления ряда универсальных параметров в монгольском фольклоре, определено его место в мировой культуре (Н. Н. Поппе, С. А. Козин, С. Ю. Неклюдов, Н. О. Шаракшинова, П. М. Хомонов, А. И. Уланов, М. И. Тулохонов, Г. И. Михайлов, К. Н. Яцковская, Л. К. Герасимович, А. Д. Цендина, Л. Г. Скородумова, Н. Ц. Биткеев, С. С. Бардаханова, Д. А. Бурчина, С. Ш. Чагдур, Е. Э. Хабунова, Т. Г. Борджанова (Басангова), Е. Е. Балданмаксарова, В. Хайсиг, Дж. Крюгер, Л. Лёринц, В. Вайт, Э. Таубе, Д. Кара, П. Фитце, К. Чаброс, А. Шаркёзи, Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен, Д. Цэрэнсодном, П. Хорло, Ш. Гадамба, Л. Уранчимэг, У. Загдсурэн, Х. Сампилдэндэв, А. Алима, Б. Кату).

К настоящему времени поставлены и решены (в разной степени) проблемы структуры монгольского стиха, параллелизма, вычленения стиха из прозы, авторства, устной и письменной традиции, использования старых мелодий для новых песен, перевода народной поэзии на иностранные языки, проблемы нотации народных песен, бытования, вариативности, жанровых особенностей ряда фольклорных произведений.

Собирательская деятельность монголоведов привела к возникновению богатых хранилищ, в которых серьезное место занимают сочинения, включающие монгольский фольклор и материалы о нем. Наиболее ценными коллекциями фольклорных текстов в России являются Рукописный фонд и Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (в настоящее время – Институт восточных рукописей РАН).

Цель и задачи исследования. Цель работы заключается в исследовании литературной природы малых жанров монгольского поэтического фольклора. В центре диссертации стоят проблемы их поэтического языка (металогия), художественных приемов (мнемотехника) и структуры. Уделяется внимание

тем проблемам, которые соответствуют пониманию термина поэтика в более широком ее толковании, т. е. генезису, функционированию поэтических жанров и их коннотации с исторической действительностью, а также анализу детского фольклора, смеховой культуры, иносказания, формированию поэтического канона, т. е. явлений, которые не затрагивались ранее литературоведами-монголоведами.

Основными задачами диссертации являются:

- 1) изучение процесса формирования научных представлений о проблематике поэтики малых жанров монгольского поэтического фольклора;
- 2) выявление произведений малых жанров монгольского поэтического фольклора в главных хранилищах монгольских рукописей и архивных документов, которыми являются Рукописный фонд и Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН;
- 3) анализ историко-культурных предпосылок появления ряда лирических жанров;
- 4) реконструкция художественной картины мира и показ роли в ней морально-этических, эстетических предпочтений человека традиционного монгольского общества, воплощенных в произведениях малых жанров поэтического фольклора;
- 5) установление основных вех формирования художественно-поэтического канона фольклорной традиции монгольского народа;
- 6) анализ поэтики монгольского фольклора малых форм как единого комплекса, обладающего собственными закономерностями;
- 7) исследование композиционно-структурной организации произведений малых жанров монгольского поэтического фольклора (композиция, архитектоника);
- 8) определение конституирующих признаков ряда малых жанров монгольского поэтического фольклора.

Научно-практическая значимость работы. Материалы по проблематике монгольской поэтики в России, Монголии и на Западе могут быть использованы в качестве основы для базовых и специализированных курсов по изучению монгольского фольклора, литературы и культуры в востоковедных высших учебных заведениях. Наблюдения над характером бытования, развития, эволюции малых поэтических форм будут полезны учащимся научных востоковедных центров при написании ими квалификационных работ. Понимание малых жанров монгольского поэтического фольклора как единого комплекса фольклорной традиции продуктивно при разработке базовых курсов по монгольской филологии. Новый, впервые введенный в научный оборот фактический материал – архивные документы и рукописные тексты из хранилищ СПбФ ИВ РАН – позволит существенно расширить представление о жанровом составе поэтического фольклора в лекционной работе преподавателей-востоковедов. Этот материал необходим при составлении антологий монгольского фольклора. Теоретические разработки, предложенные в диссертации, могут

быть использованы монголоведами-литературоведами в их дальнейших исследованиях.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в

- четырех монографиях (см. перечень в конце автореферата);
- ряде статей (см. перечень в конце автореферата) и докладов: на Международных конгрессах монголоведов (Улан-Батор, 1992, 1997, 2002, 2006); на международных конференциях: Постоянная международная конференция алтайистов (PIAC – Ташкент, 1986; Будапешт, 2002; Кембридж, 2004); Международный конгресс азиатских и североафриканских исследований (ICANAS – Москва, 2004); Международная конференция по изучению «Джангара» (Пекин, 1996; Урумчи, 2006); на Владимирцовских чтениях (Москва, 1993, 2000, 2005); на ежегодных научных сессиях СПбФ ИВ РАН (СПб., 1990-2007).

Материалы диссертации и разработанные в исследовании методики используются диссидентом при чтении спецкурсов «Монгольский фольклор» и «Поэтика монгольского фольклора» на Восточном факультете СПбГУ, в руководстве и оппонировании студенческих работ Восточного, философского, исторического факультетов СПбГУ, а также кандидатских и магистерских диссертаций.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Сектора тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Протокол № 12 от 24 сентября 2008 г.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, а также Приложения, в которое входит глоссарий монгольских терминов, список исполнителей монгольского фольклора, перечень рукописей и ксилографов Рукописного фонда СПбФ ИВ РАН и материалов Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН, содержащих монгольскую народную поэзию и относящиеся к ней документы.

Во Введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее изученности, определяется предмет и объект исследования, формулируются цели и задачи диссертации, излагаются методологические основы работы, а также дается история вопроса.

Первая глава. Монгольское поэтическое творчество в мировом литературоведении. Данная глава посвящена проблеме формирования в России, на Западе и в Монголии научных представлений об устном народном поэтическом творчестве, в ней дана картина постепенного накопления знаний о монгольском фольклоре, начиная с отрывочных сведений, указывающих на наличие обрядового музыкально-поэтического фольклора у монголов, до появления научных теорий о различных жанрах, выявления их особенностей, рассмотрения частных поэтологических вопросов.

1. Теоретические взгляды российских ученых на монгольский поэтический фольклор. Изучение поэтического наследия монгольского народа имеет более чем двухвековую историю и неразрывно связано с собирательской деятельностью. Первое практическое соприкосновение с монгольским фольклором стало одновременно и началом его теоретического осмыслиения.

Начало изучения поэтики устного народного творчества монголов, совпавшее по времени с периодом привлечения внимания мирового литературоведения к народному творчеству, становлением российской фольклористики, возникновением монголоведения как самостоятельной науки связано с именем О. М. Ковалевского, работавшим в Казанском университете в 1830–1856 гг. – основателем первой кафедры монгольского языка, автором ранних основополагающих работ по монголоведению. Параллельно в Академии наук в Санкт-Петербурге проводил исследования И. Я. Шмидт, который обратил серьезное внимание на структуру и художественные особенности монгольской поэзии.

С учреждением в 1855 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете Факультета восточных языков и открытием там кафедры монгольского языка, появились исследования по литературе, религии и истории монгольских народов, принадлежащих перу преподавателей и профессоров Университета. В них определенное место отводилось изучению поэтического наследия монгольского народа. Начало и первая треть XX в. были периодом формирования монгольской диалектологии, привлечения внимания к разговорному языку монгольских народов, что привело к сбору большого количества фольклорного материала.

Ключевыми для развития теоретических взглядов российских ученых являются взгляды Б. Я. Владимирцова, который ввел понятие «народная литература», поднял вопрос о связи народности и распространенности произведения, выделил главные признаки монгольского фольклорного произведения.

В XX в. Г. Д. Санжеевым был высказан ряд новых соображений по поводу закономерностей бытования, типологии и взаимодействия отдельных типов и видов поэзии. Г. И. Михайлов и К. Н. Яцковская проследили функционирование древних поэтических жанров в различные исторические эпохи, вскрыли механизм их обновления, показали влияние идеологических установок на тематику и образную систему фольклорных произведений.

С. Ю. Неклюдовым была отмечена генетическая взаимосвязь эпоса и литературы монголов. Особенное внимание исследователь обратил на связь стиля, жанровой природы, пафоса литературных произведений с народным творчеством (историческими и мифологическими преданиями, гномической, панегирической поэзией).

Т. Г. Басангова выявила причины появления словесного сопровождения некоторых ритуальных действий; Е. Э. Хабунова

проанализировала связь структурных компонентов свадебных песен; Г. А. Дорджиева, показала закономерности формирования и эволюции народно-художественного мышления.

Теоретические взгляды российских исследователей на монгольский поэтический фольклор развивались в русле общих российских и зарубежных концепций изучения устной словесности. Был пройден большой путь от признания в монгольской поэзии наличия образцов высокого художественного уровня до создания монографических исследований, посвященных ее жанрово-стилистическим и художественным особенностям.

2. Изучение поэтики монгольской народной лирики западными исследователями. Появление интереса к изучению монголоязычной поэзии на Западе приходится на начало XIX в. Английские и немецкие исследователи почти одновременно обратили свое внимание на высокий уровень этого вида искусства (Г. К. Габеленц, В. Шотт, Дж. Мальч, К. Нейтц, Б. Бергман, К. Рамн, У. Сван, Р. Джайль, Э. Сталлибрасс, К. Штумпф). Г. К. Габеленцем был поставлен вопрос о жанровом составе монгольской поэзии и высказано мнение, что вся лирическая поэзия монголов состоит из песен. Гимны, славословия, благопожелания, проклятия, заклинания, призываия, «слова по случаю», характерные для монгольского поэтического фольклора, не вычленялись им как самостоятельные поэтические жанры. В первой половине XX в. большая заслуга в сабирании, публикации, исследовании монгольского поэтического фольклора принадлежала Г. Дж. Рамстедту, А. Мостеру, Ф. Кливзу.

На Западе не раз предпринимались попытки перевода монгольской поэзии на европейские языки. (Н. Поппе, П. Фитце, Л. Лёринц, В. Вайт). Западными учеными поднят ряд вопросов, касающийся разных сторон изучения монгольского эпоса (сравнение героев монгольского эпоса с персонажами эпопеи других этносов, ремифологизация монгольского эпоса, вычленение в нем поэтических фрагментов).

Имеется целый ряд работ, посвященных непосредственно монгольским малым поэтическим жанрам (Дж. Крюгер, Д. Кара, Дж. Шуберт, Ч.-Р. Боуден, М. Халтод, К. Чаброс, А. Шаркёзи, Э. Таубе). В них ставятся проблемы синкретизма жанров, выяснения реальной основы ритуальных текстов, установления типологического сходства между шаманскими и буддийскими текстами, выявления роли буддийских формул и понятий в обрядовых текстах, издания поэтических текстов, обнаружения литературного единства произведений разных регионов проживания монгольских народов, сохранения фольклорных традиций и их преемственности.

Непосредственное отношение к монгольскому фольклору малых форм имеют исследования, посвященные поэтическому творчеству центральноазиатских народов (Д. Синор, Дж. Стари, К. Райхл). В них развиты и скорректированы положения теории литературоведов-компаративистов, работавших на европейском фольклорном материале.

Западное монголоведение располагает на сегодняшний день исследованиями и переводами достаточно большого количества произведений малых фольклорных поэтических форм как имеющих самостоятельное независимое существование, так и входящих в более крупные произведения: эпос, летописи, хроники, легенды. Используя историко-филологические и структурно-типологические методы, монголистика Запада ставит и рассматривает вопросы содержания, структуры, мотивов, сюжетов, образов, художественных особенностей ряда конкретных произведений и жанров, а также взаимодействия монгольской устной традиции с традицией других этносов.

3. Изучение национального поэтического творчества в Монголии. Проблема изучения монгольскими учеными собственного поэтического творчества неразрывно связана с историей письменности в Монголии, истоки которой уходят ко времени образования Единого монгольского государства. С провозглашением буддизма государственной религией в Монголии и возникшей необходимостью перевода буддийских канонических произведений на монгольский язык начинается подъем филологической науки, синкретично включавшей в себя литературоведение, лингвистику, переводоведение. Поэтика в то время рассматривалась как составная часть грамматики.

Большую роль в становлении поэтики в средневековой Монголии как науки, выработке собственной теории литературы и принципов создания художественных произведений сыграл научный трактат индийского поэтолога VII в. Дандина «Кавьядарша» («Зохист аялгууны толь», «Зерцало поэзии»). Оно породило богатую комментаторскую литературу, стало руководством для монгольских писателей и поэтов. В дальнейшем монгольскими учеными (Ш. Бира, Д. Цэрэнсодном, Л. Тудэв) была проделана работа по расшифровке, идентификации, описанию ряда дефиниций и терминов, представленных в этом сочинении, некоторым из них были подобраны аналогии в европейской поэтике (точное сравнение, отрицательное сравнение, полисемантизм, гипербола, сложные слова, сложная метафора, перенос значения, непрямой способ выражения, метафорическое сравнение, перенос качества).

Научные исследования национальной народной поэзии появились в Монголии в первой трети XX в., что было связано с политическими событиями, повлекшими за собой глубокие преобразования в структуре, социальной жизни, культуре общества. Большая роль в этом принадлежит знакомству монгольских собирателей и знатоков словесности с работами западных и в первую очередь российских фольклористов и литературоведов. Монгольскими учеными середины и второй половины XX в. (Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен, Д. Цэрэнсодном, Ч. Чимид, Д. Ёндон, У. Загдсурэн, Г. Бадрах, П. Хорло, Ш. Гадамба, Д. Цэнд, Ж. Энэбиш, С. Цодол, Х. Сампилдэндэв, Л. Хурэлбатар, Л. Эрдэнэчимэг, Р. Нарантуя, Р. Чултэмсурэн, Б. Кату, А. Алима) был поднят большой пласт вопросов,

касающийся специфики поэтики фольклора (бытование, создание, исполнение, вариативность, синкретизм, жанровые особенности).

В 1960–1980-е гг. в идеологизированную концепцию литературоведения органично вписывается необходимость изучения шаманской поэзии, которая была альтернативной по отношению к так называемой «народной» (антирелигиозной, антиламской).

Монгольские ученые практически во всех своих работах констатировали жизнеспособность национального устного народного творчества, его постоянное развитие и обновление, которое осуществлялось за счет сюжетов и словесного материала современного мира.

Вторая глава. Малые жанры монгольского поэтического фольклора в коллекциях Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Данная часть исследования посвящена выявлению и анализу монгольских фольклорных произведений и материалов о них в одном из самых богатых в России и мире хранилищ письменных памятников Востока – Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН

1. Жанровый состав монгольского поэтического фольклора в Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН. Фольклорные поэтические образцы имеются практически во всех жанрах монгольской словесности, поэтому для исследователя лирики интересен весь корпус письменного и устного наследия монгольского народа, находящийся в СПбФ ИВ РАН. Монгольская литература в Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН представлена достаточно полно. Часть рукописей содержит произведения сугубо малых поэтических жанров. Определенное количество поэтического фольклора сосредоточено в сборниках, содержащих прозу и поэзию. Больше всего лирических образцов представлено в виде вкраплений в сочинениях иных жанров. В ряде произведений присутствуют фольклорные элементы на уровне идиом, народных оборотов речи, словосочетаний и экспрессивных выражений.

Все рукописи и ксилографы хранятся в 15 коллекциях, сформированных по времени их появления. Кроме того, имеются личные коллекции собирателей и ученых-монголоведов.

Большое количество образцов поэтического фольклора имеется в монгольском эпосе, представленном 190 единицами хранения. Среди них «Хан Харанхуй», «Бум Эрдэни», «Догшин Чингил», «Дайни Кюрюль», «Джангар», «Бабуджи Мэргэн», «Гэсэр», «Поучения Чингис-хана», «Сказания о Чингис-хане».

Здесь есть более десятка речей – угов (*үг*), образцов музыкально-речитативной торжественной декламации и ораторского искусства, произносимых по поводу какого-либо значимого события, имеющих параллели с еролами и магталами (*ерөөл, магтаал*) – благопожеланиями и восхвалениями. Преимущественно они относятся к свадебной обрядности.

Автором диссертации выявлено 46 песенных сборников, находящихся в различных коллекциях. Эти сборники весьма разнообразны по тематике, объему, техническим данным, составу включенных песен. Имеется 20 сборников стихов, включающих стихи таких известных поэтов, как

Ишидандзанванджил, Д. Равджа, Хишигбат, Хульчи Сандак, Лудзун Дондонгун.

В Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН собрано большое количество переводных и оригинальных прозаических, прозопоэтических и поэтических произведений, включающих малые жанры поэтического фольклора («Панчантантра», «Субхашида», «Капля питающая людей», «Букет белых лотосов», «Повесть о Лунной кукушке», «Повесть о Цаган Дара-эхэ», «Повесть о Ногон Дара-эхэ», «Повесть о Чойджид-дагини», «Подвиги Милайбы, пространно описанные в стихах», «Повесть о Нарану Гэрэл», «Повесть о Гусю-ламе», сказки «Об Арджи Бурдже», «О Бигармиджидхане», «Сказки Волшебного мертвца» и др.).

Фольклорные поэтические фрагменты есть и в монгольских исторических хрониках, представленных в фонде. Среди них: «Золотое сказание», «Драгоценное сказание», «Течение Ганга», «Хрустальные четки», «Желтая история», «Хрустальное зерцало», «Сборник списков и биографий», «Драгоценные четки». Имеются исторические сочинения, написанные в стихах.

Поэтические фольклорные образцы присутствуют в сочинениях, вошедших в своды канонической буддийской литературы «Ганджур» и «Данджур», ряд томов которых хранится в фонде. Однако больше всего поэтических образцов содержится в буддийской культовой и обрядовой литературе. В фонде Института есть культовые тексты, посвященные божествам и бодисаттвам: Ямантаке, Эрлик-хану, Махакале, Охин Тэнгри, Вайшраване, Авалокитешваре, Отачи, Ваджрасаттве, Дзонхаве, Сарасвати, Джамшарану, Дара-эхе, Шакьямуни и двенадцати его деяниям, святыням Тибета (горе, раю Аканиста, Потале). Имеются обрядовые тексты: «Подношение лампады», «Обряд вероисповедания», «Обряд для принявших обет поста», «Обряд покаяния». Фонд содержит также описание ряда обрядов, празднеств и практик медитативного характера, таких как «ламайога», «гуру-йога», «махамудра», «пхо-ба», «подношение балина», «подношение лампады», «установление над жилищем флаглов с молитвами», «посвящение», «жертвоприношение трем драгоценностям», «чтение мани», «поклонение буддийским святыням», а также описание похоронных обрядов. Сохранились тематические сборники, в состав которых входят однотипные тексты (190 молитвенников, 147 сборников с гимнами, 103 сборника с благопожеланиями, 96 сборников заклинаний, 39 сборников молитв-воскурений, 24 сборника молитв-покаяний).

Благодатный материал для исследования народной поэзии находится среди небуддийской – сакрально-коммуникативной, медиативной, предиктивной литературы, содержащей тексты заклинаний, молитв, просьб, обращений к небуддийским культурам. В фонде хранятся 38 текстов, относящихся к культу огня, 26 – культу тенгриев, 18 – культу Белого Старца, 15 – культу гор и земли, 8 – культу Чингис-хана, 7 – культу Гэсэра, 3 – культу Большой Медведицы, 2 – культу императоров, 11 – обряду возвращения телу покинувшей его души, 6 – обряду омовения, 5 – скотоводческим обрядам, 5 –

охотничьим обрядам, 6 сборников включают заклинания и молитвы, прогоняющие враждебные силы, злых духов.

Прослеживаются фольклорные традиции в текстах 438 сборников по астрологии, приметам, гаданиям, в которых есть тексты, относящиеся к различным видам магии.

Филологические сочинения, имеющиеся в монгольском фонде (грамматики, учебники, разговорники, словари) также содержат материалы по поэтическому фольклору. Сочинение по истории монгольской письменности «Сердечный покров», грамматика монгольского языка, написанная уратским ученым Гоши Билигун Далаем, а также грамматика Агван Дандара, азбуки Жамьяна и Лувсан Гомбоджава содержат в качестве примеров поэтические фрагменты и простонародные выражения.

В географических сочинениях, таких как описания путешествий, монастырей, буддийских святынь, также встречаются поэтические фрагменты.

2. Монгольский, бурятский, калмыцкий поэтический фольклор в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН. В Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН собрана достаточно репрезентативная коллекция образцов монгольского, бурятского, калмыцкого фольклора и материалов о нем. Они имеются в фондах монголоведов и востоковедов других специальностей, составляют более 150 ед. хр., и в них содержатся свыше 3000 уникальных фольклорных произведений. Это личные фонды Б. Б. Барадийна (ф. 87, 34 дела), Н. Я. Бичурина (ф. 7, 54 дела), К. Ф. Голстунского (ф. 60, 43 дела), Ц. Ж. Жамцарано (ф. 62, 148 дел), И. Иерига (ф. 21, 7 дел), В. А. Казакевича (ф. 63, 29 дел), П. И. Каменского (ф. 24, 26 дел), П. Л. Шиллинга фон Канштадта (ф. 56. 338 дел), Г.-Ю. Клапрота (ф. 27, 38 дел), Д. А. Клеменца (ф. 28, 778 дел), О. М. Ковалевского (ф. 29, 29 дел), В. Л. Котвича (ф. 31, 25 дел), Н. В. Кюнера (ф. 91, 13 дел), Е. Е. Обермиллера (ф. 100, 91 дело), Б. И. Панкратова (ф. 145, 501 дело), П. В. Погорельского (ф. 104, 336 дел), А. М. Позднеева (ф. 44, 319 дел), М. И. Тубянского (ф. 53, 172 дела), Х. Д. Френа (ф. 54. 1487 дел), В. Д. Якимова (ф. 83. 30 дел), А. В. Бурдукова (фонд в обработке). Кроме того, большое количество материалов хранится в тематических фондах: «Монголия и Тибет» (р. I, оп. 3, 139 дел), «Буряты и калмыки» (р. II, оп. 1, 392 дела), «Материалы отдельных лиц» (р. III, оп. 1, 71 дело).

В АВ СПбФ ИВ РАН есть произведения, представляющие крупные поэтические жанры, малые поэтические жанры, прозаические жанры. Отложились также конспекты, планы, описи, статьи, лекции, содержащие сведения о монгольской поэзии. Имеются нотации ряда эпических фрагментов и песен.

Среди материалов представлены образцы народной литературы на различных монгольских диалектах и наречиях, как собственно монгольских – южных и центральных (халхаском, дархатском, ордосском, чахарском, абагинском, сунитском, узумчинском, баргутском, урянхайском, дербетском, харакинском, сартульском, дариганга,), северных монгольских (хоринском,

агинском, эхиритском, кижингинском, баргузинском, булгатском, аларском), так и западных – калмыцких (донских, ставропольских калмыков).

Особенностью фольклорных монголоязычных материалов АВ СПбФ ИВ РАН, является многоаспектность их содержания и разнообразие формы записи. Поскольку большая часть их относится ко времени ярко проявившегося интереса к диалектным особенностям языка и живым говорам (конец XIX – начало XX в.), то тексты записаны преимущественно в академической фонетической транскрипции, учитывающей палатализацию, долготу, краткость звуков. Материалы монголоведов более раннего периода представляют собой записи на старомонгольском языке. Путешественники, не знавшие монгольского языка, записывали приблизительное звучание монгольских слов русскими буквами.

Крупный поэтический жанр представлен главным образом бурятскими поэмами. Это первые дословные записи произведений бурятского и монгольского фольклора. В АВ находятся тексты поэм «Ёндон-хан», «Буха Нойон Баавай», «Уншин Хара хубуун», «Халдай Мэргэн-хан», «Баян Хуурай-хан», записанные от исполнителей М. Эмэгенова (Эмегеева), Б. Бурлаева, Б. Галданова, Б.-Ц. Дашибалова, Х. Н. Терентьева, Л. Бардаханова.

В Архиве есть значительная коллекция песен. Среди них много религиозно-философских, историко-эпических, исторических, лирических, юмористических и сатирических. Ценными являются комментарии собирателя о содержании, истории создания произведений, об информантах (их родовой принадлежности, месте жительства, социальном статусе, взаимоотношениях с родственниками), о местности, где был собран материал, и характере исполнения.

Прозаический жанр, насыщенный напутствиями, восхвалениями, поучениями, поговорками, загадками, представлен в АВ СПбФ ИВ РАН этиологическими, демонологическими, антропогенными легендами и мифами, охотничими рассказами, генеалогическими преданиями, сказаниями, бывальщинами, сказками (фантастическими и о животных), быличками, баснями.

Афористическая поэзия, помимо того, что ее образцы включены в произведения иных жанров, существует в АВ в виде сборников. Собиратели объединяли пословицы, поговорки, загадки в тетради по принципу тематическому (например, сборники афоризмов о женщине, о человеке, о религии) или диалектному (например, сборники халхаских дербетских, хэшигтенских, ордосских, чахарских пословиц, узумчинских, суннитских загадок). Крупным является собрание триад и катренов – своеобразных загадок, имеющих трех- и четырехчленную структуру.

Магическая поэзия в АВ (заклинания, молитвы, заговоры, прокляния, призываия) связана преимущественно с бурятским шаманизмом и содержит тексты, произносимые почти при всех видах шаманских обрядов. Здесь есть тексты «обряда брызгания» (бур. «ду *наалга*», монг. *сацал*), «обряда

развешивания ленточек» (бур. «хаялга»), «обряда заклания животного» (бур. «захил»). Ценность этих записей умножают комментарии к текстам.

Третья глава. Структурные и художественные особенности малых жанров монгольского поэтического фольклора. В данной главе рассматриваются проблемы поэтики (главным образом, метаэпоса и мнемотехники) монгольской народной лирики. Анализируется формульность как один из важнейших ее концептов. Рассматриваются малоизученные в монголоведном литературоведении темы, такие как поэтика детского фольклора, поэтика смеховой культуры, практика художественного иносказания.

1. Формульность как основа канона монгольской устной народной поэзии. Ярко выраженная устойчивость закономерностей, наблюдаемая при создании образов и структуры (художественной формы) произведений, охватывающая лирические жанры, говорит о существовании в монгольской традиционной поэзии канона. Наличие канона заявляет о себе в различного рода устойчивых повторяющихся элементах, которые дают о себе знать на уровне стиля и художественной образности. Эти повторяющиеся элементы могут быть представлены одним словом, сочетанием слов, целыми группами стихов, переходить из одного произведения в другое, являясь постоянными эпитетами, устойчивыми сравнениями, тропами, типическими и общими местами. Такие устойчивые элементы, определяются как формулы. Они являются традиционными компонентами устно-поэтического канона, на которых строится основной фундамент монгольской народной поэзии.

Формульность признана одним из основных правил канона многих культур и одной из типологических универсалий фольклора в целом (Р. Майер, А. Даур., А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, В. Я. Пропп, В. М. Жирмунский, А. Т. Хроленко, П. Д. Ухов, Б. М. Соколов, В. И. Еремина, Г. И. Мальцев, В. В. Радлов).

Монголоведами также было замечено наличие повторяющихся элементов в монгольском эпосе и фольклоре (Б. Я. Владимирцов, А. М. Позднеев, Ц. Ж. Жамцарано, К. Н. Яцковская, Г. И. Михайлова, Т. А. Бурдукова, М. И. Тулохонов, Н. О. Шаракшинова, С. С. Бардаханова, А. Ш. Кичиков, Н. Ц. Биткеев, Е. Э. Хабунова, Т. Г. Борджанова, она же Басангова). Факт наличия формульности в монгольской народной поэзии ныне неоспорим, однако вопросы ее генезиса, художественной специфики, эстетической сущности далеки от своего окончательного решения.

В соответствии со стоящей перед диссертантом задачей представлялось необходимым связать проблему формульности с особенностями поэтического мышления и ввести ее в область исторической эстетики. В этом случае становится ясно, что формула концентрирует в себе целый ряд ключевых закономерностей фольклорной эстетики и поэтики, что истоки формульности кроются в фольклорном долитературном сознании.

Сознание монгола формировалось в жизни, подчиненной различным циклическим действиям. Ценностную весомость, непреходящий, значимый характер имели повторяющиеся события: сезонные перекочевки,

календарные праздники, обряды, связанные с жизненным циклом (по случаю установки юрты, принятия приплода, стрижки овец и др.). Обрядовый характер традиционной монгольской жизни, регламентация всех ее сфер приводила к тому, что в сознании монгола типическое, традиционное доминировало над отдельным единичным. Мерой и критерием действительности была традиционность. Традиционной идеи, знанию, переживанию соответствовала определенная формула.

Каждое слово имеет глубокий смысл, восходящий к традиции. Слова: *тал*, морь, *ус*, *нар*, *сар*, *өчүүхэн*, *цагаан*, *хар* (степь, конь, вода, солнце, луна, маленький, белый, черный) вбирают в себя целый комплекс разнообразных оттенков, значений, имеющих корни в повторяющейся цикличной каждодневной жизни монгола. Каждое из этих слов несет большую содержательную нагрузку. Например, слово *сар* (луна, месяц) связано с большим количеством традиционных смыслов, охватывающих как смену фаз луны, влияние их на человека, животных, природу, так и отсчет времени, изменения, происходящие в мире, связь прошлого, настоящего, будущего, мифологическую связь светила с Землей.

Поэтические формулы имеют разную грамматическую структуру. Среди них есть отдельные слова, например, такие как *аав*, ээж, *мод*, *улаан*, *алтан*, *хөх*, *хурдан*, *суух* (отец, мать, дерево, красный, золотой, синий, быстрый, сидеть); словосочетания – *амттай алим* (вкусные яблоки), *нарийн говийн зээрд* (ловкий, гобийский рыжий конь), *саруул Алтайн ус* (вода светлого Алтая), *талд унасан жасвар* (стужа, пришедшая в степь); формульные предложения – *Шар солонго татаад байна* (Желтая радуга протянулась), *Аав ээж хоёртойгоо / Уулзахын ерөөлийг тавья* (Скажу добрые слова по случаю встречи / С отцом и матерью).

Поэтическая реальность монгольской народной лирики не тождественна конкретному бытию. В лирическом произведении монгол запечатлевает не саму реальность, а собственное восприятие ее. Так, в славословии Алтаю присутствуют такие эпитеты, как: *тарвага зурам нь идээлээд* (богат сусликами и тарбаганами для еды), *дайра чулуу багатай* (на нем мало камней, о которые спотыкаешься), *дов сондуул ихтэй* (на нем много бугорков), *жалгын чинээ амтай* (на нем ямы величиной с овраги), *алт мөнгөний баялагтай* (богат золотом и серебром), *энхрий гэгээн биендээ* (в его нежном светлом теле). Однако их следует воспринимать не как характеристику реального Алтая, а как идеальный образ, традиционное изображение родной земли.

2. Отражение смеховой культуры в монгольском устном народном поэтическом творчестве. В монгольских песнях, пословицах, поговорках, проклятиях, «словах по случаю» нередко присутствуют различные типы смеха. Предпосылками появления произведений с элементами комического является способность монгольского народа эмоционально воспринимать противоречия окружающей действительности, наличие чувства юмора, умение проводить смелые парадоксальные сопоставления, репродуцировать неожиданные ассоциации. Такие произведения выражают высокий уровень

смеховой культуры монгольского народа; это подтверждается богатой лексикой, касающейся различных оттенков смеха, разработанностью литературоведческой терминологии о видах и типах комического в монгольском языке.

Различные аспекты смеха передают глаголы: *инээх* (смеяться), *доог хийх* (подшучивать), *элэглэх* (иронизировать), *эдэг барих* (издеваться), *хохрох* (хохотать), *тачигнатал инээх* (ржать, раскатисто хохотать), *шоолох* (зубоскалить), *дооглох*, *элэг доог болгох* (насмехаться), *даажигнах* (подшучивать), *наадам хийх* (осмеивать), *цугацах* (потешаться), *наргих* (веселиться), *цэнгэх* (радоваться), *алиалах* (смешить, паясничать), *элдвээр аашлах* (гримасничать), *маяглах*, *элэглэх дуриах* (пародировать), *инээмсэглэх* (улыбаться), *хяхуутай жуумалзах* (злорадствовать), *мишиэх* (осклабиться), *жуумалзах=жуумганах* (сдерживать смех, насмешливо кривить губы). Эти глаголы образуют большое количество производных слов и выражений, которые отражают широкую панораму смеха как явления в монгольской культуре.

В зависимости от направленности, меры и качества смеха тексты можно распределить по двум группам: юмористические и сатирические. К первой группе относятся произведения, вызывающие дружелюбный, беззлобный смех, который помогает за несовершенными поступками человека увидеть идеал, стремиться к нему, развивать положительные стороны человеческого характера. В таких произведениях присутствует добродушный юмор, который своим объектом выбирает недостатки людей, являющиеся как бы продолжением их достоинств, но доведенные до той черты, за которой они вызывают улыбку, шутку. Действующими лицами этой группы являются молодые люди, подвыпившие гости, кокетливые девушки, жены иного племени или этноса. В шуточных стихах главные герои, хотя и имеют разные половозрастные характеристики, родственные связи, личные качества, однако все они – люди одного социального слоя. Этот тип смеха тяготеет к улыбке, беззлобному смешку (*инээдэс*), к беспечной веселости (*наргиа*).

Ко второй группе относятся произведения, которые высвечивают не частные черты характера, не отдельные элементы события, а явление целиком, воспринимаемое как негативное и опасное для общества. Смех в сатирических произведениях безжалостен, во многих из них виден конфликт, обусловленный социальными обстоятельствами, что придает произведениям трагизм, скрываемый за шуткой, сарказмом. Объектом насмешек в них становится человек иного социального уровня и статуса – нойон, князь, сановник, лама, банди, шаби, занги. Для такого типа сатиры в монгольском языке существуют выражения: *ингуун шоглох* (издевательство), *тугээр даажиг хийх осолтой* (опасные шутки), *инээдэм наадмыг орхижс* (шутки в сторону), *хунийг инээдэм болгох* (поднять на смех).

Для сатирических и юмористических произведений характерно использование тех же поэтических приемов и художественных средств, что и в остальном фольклоре; основными из них являются параллелизм и анафорическая аллитерация. Однако здесь более интенсивно используются

экспрессивная лексика, каламбур (*үгийн наадам, үгээр наадах*), оксюморон (*эсрэгчүүлэл*), перифраз (*тойруулан*), гротеск (*дэгсдүүлэл*), иносказание (*егт үг*). Наиболее распространен каламбур. Этот тип жизнеутверждающего смеха наиболее адекватно отражает мировоззренческие позиции монгольского народа.

3. Поэтика детского фольклора. В монгольском фольклоре существует особый пласт произведений, ориентированный на детей. Практически весь он относится к малым поэтическим жанрам. Основными предпосылками его возникновения является необходимость воспитания детей в соответствии с требованиями общества в условиях устной поэтической традиции, отводившей серьезную роль устной форме обучения, т. е. передаче знания от учителя к ученику, фактору памяти, развитию наблюдательности и практических навыков.

Изучением детского фольклора начали заниматься в Монголии с 60-х гг. XX в. В российской же науке эта тема практически не поднималась.

Среди текстов, которые относятся к детскому фольклору, есть произведения, написанные как взрослыми для детей, так и самими детьми. Большая часть детского фольклора создана взрослыми для взрослых и лишь со временем перешла в детскую среду. Обрядовая поэзия занимает главное место. В первую очередь это магталы, исполнявшиеся во время обрядов, связанных с тремя основными моментами в жизни ребенка: появлением на свет, переходом из младенчества в детство и из детства – во взрослое состояние. Это обряды «омовения», «первой стрижки волос» и «достижения пятнадцатилетия». Структурно благопожелания имеют две части: одна предназначается родителям, в ней содержатся поздравления, выражение радости по случаю рождения ребенка, высказываются пожелания богатства, счастья и благополучия в жизни. Вторая часть была обращена к ребенку. В ней рисуется идеальный образ скотовода-кочевника. Эта часть благопожелания представляет собой программу действий и подчинена главной идеи – моделированию поведения ребенка. Выполнение рекомендуемых действий способствовало воспитанию необходимого традиционному монгольскому обществу человека.

Колыбельные песни (*бүүвэй дуу*, букв.: успокаивающие или убаюкивающие, от слова *бүүвэй* – баю) генетически восходят к заклинаниям. Главными их функциями было успокоить и оградить ребенка от злых сил. Колыбельные песни выступали также основным элементом в самоидентификации человека, помогали определить его конкретное место среди других людей и связь с обществом. С помощью колыбельной песни в легкой и доступной форме проходило знакомство ребенка с окружающим миром.

Песни, где заговорные элементы выражены слабее и воспринимаются как художественные приемы, возможно, более позднего происхождения. Многие из них являются образцами высокого художественного уровня.

К произведениям, созданным детьми, относятся считалки – рифмованные формулы в виде нескольких стихотворных строк шуточного содержания,

помогающие распределить роли в игре. Генетически этот жанр восходит к древним временам, когда существовало табу на счет как приносящий неудачу.

Большая развивающая роль в жизни монгольских детей принадлежит играм, сопровождаемым песнями или декламацией стихотворных текстов. Это так называемые «словесные игры» (*үгэн тоглоом*), в которых слово играет решающую роль. Среди них выделяются игры, в которых следует проявлять смекалку и умение пальцами рук делать затейливые фигуры. Это «игры мастерства рук» (*уран гарын тоглоом*), «игры на доске» (*хөлөгт тоглоом*). К *үгэн-тоглом* относятся также прибаутки, которые запоминаются своей парадоксальностью, и «соревновательные стихи» (*дайралцааны шулэг*). Они представляют собой рифмованные выражения, которыми сопровождаются разного рода споры. В зависимости от того, в каком месте спора произносятся стихи, они имеют разные цели.

Существует несколько типов «игр мастерства рук»: «Поймай указательный палец» (*Хомхой хуруу барих*), «Найди средний палец» (*Дунд хуруу олох*), «Построить гору Сумэру» (*Сумбэр уул босгох*). Дети постарше самостоятельно играют в подвижные игры (*хөдөлгөөнт тоглоом*), такие как «Волк – охотник за тарбаганами» (*Чоно тарвагацах*), «Белый верблюд» (*Цагаан тэмээ*), «Два знакомых» (*Хоёр танил*).

Значительную роль в воспитании ребенка играют песни-танцы, имеющие древние корни и восходящие к представлениям в масках, имитировавшим повадки животных и элементы охоты. Содержание песен-танцев раскрывается в их названиях: «Танец журавля» (*Тогорууны бүжсиг*), «Танец лебедя» (*Хүн шувууны бүжсиг*), «Танец ястреба и перепелки» (*Харцага боднийн бүжсиг*).

Песни-игры, песни-танцы, «игры мастерства рук», «словесные игры», скороговорки, считалки, благопожелания, славословия непосредственно связаны с обыденной хозяйственной жизнью монгольского народа.

4. Иносказание в монгольском поэтическом фольклоре. Роль иносказательной речи в монгольской культуре всегда была велика. В ней нашло отражение восприятие древним человеком природы как живого организма, подчас враждебного и коварного, который требовалось ввести в заблуждение. Это способствовало возникновению табу на произнесение определенных слов, например, обозначающих родственные связи (существовал запрет на произнесение невесткой имени свекра до времени появления у нее первого ребенка), налагалось также табу на название некоторых животных (так, волка, называли словами-заместителями: «серый», «мой хозяин», «степная собака», «лающим» (*бор, миний эзэн, хээрийн нохой, боохой*)).

Иносказания, выраженные в стихотворной форме, нашли свое отражение в легендах («Аргасун Хурчи»), в сказках («О мудрой жене»).

Разные виды иноговорения являются генетическими факторами возникновения жанра загадки (*оньсого*), что буквально означает на

монгольском языке «задвижка», «засов», «замок» и имеет переносное значение – «уловка», «хитрость», «содержание», «сущность».

Загадки – явление обрядового творчества, они приобрели свои специфические черты, свою функциональность, поэтику, будучи включенными в обряды. Жанрообразующим фактором загадок, или их основой, стало использование слов-заместителей. Слова-заместители определены культурой, поэтической традицией, каноном. Выбор слова-заместителя основан на использовании многозначности слова, одно из значений которого ассоциативно связано с отгадкой.

Для выяснения лексических элементов, которые могут выступать в роли слов-заместителей, в данной работе все загадки были распределены по тематическим группам: 1) о животном и растительном мире, насекомых, птицах; 2) о человеке (его деятельности, органах, частях тела, предметах быта, жилище, пище, одежде, инструментах); 3) о его духовном мире (мастерстве, знаниях, искусстве, культуре); 4) о явлениях природы.

К первой группе относятся 38 % всех загадок, ко второй – 51 %, к третьей – 7 %, к четвертой – 5 %. Наибольшее количество загадок связано, таким образом, с человеком и его деятельностью, наименьшее – с его духовным миром и явлениями природы. Самый древний пласт составляют загадки четвертой группы.

Интересно, что словами-заместителями выступают чаще всего слова, означающие животных. На их долю приходится 81 %, на растения – 11 %, на предметы быта – 5 %, на людей – 2 %, на прочее – 1 %.

Существуют разнообразные сочетания слов-заместителей и замещаемых слов. Возможна конструкция, когда словами-заместителями выступают названия растений, а замещаемыми – животных. Например: Овца с желтой шеей / С глазами наверху (*Шар хүзүүтэй хонь / Орой дээр нүдтэй*) (отгадка – пшеница); Заяц-беляк, с единственной ногой / Изнутри жир просвечивается (*Ороосон хөлтэй чандага / Оохий дотро сиймхий*) (отгадка – грибы); Белая курица / С зеленым хвостом (*Цагаан тахиа / ногоон сүүлтэй*) (отгадка – лук).

Встречаются загадки, в которых слова-заместители и замещаемые слова принадлежат к одной тематической группе. Например, в нижеследующей загадке одно из слов-заместителей и замещаемое слово обозначают растения: Постоянно качающееся дерево / Имеет девяносто две ветки / Каждая ветка имеет гнездо / В каждом гнезде – яйцо (*Найган найган мод / Наян хоер салаатай / Салаа бүр үүртэй / Үүр бүр өндөгтэй*). (отгадка – колос).

Словами-заместителями могут выступать слова, обозначающие предметы материального мира, людей, а замещаемыми – явления природы. Например: Пеструю волосянную веревку / Нельзя разорвать (*Эрээн дээсийг / Эвхээс болдоггүй*) (отгадка – радуга).

Основными художественными приемами, которые используются для реализации иноговорения в монгольских загадках, являются развернутые метафоры, которые по своей структуре представляют собой образные выражения, основанные на сравнении.

Предметы и явления могут сравниваться по действию, внешнему виду, назначению, цели. Используются обычные, отрицательные и формально не выраженные (т. е. без показателя уподобления) сравнения. Иносказание может быть реализовано подражанием. В этом случае оно обходится без употребления конкретных слов-заместителей.

Существует немало загадок, где параллелизм основывается на сопоставлении по категории действия или движения. Например: Длинный черный хур / Спать не может (*Үрт хар хур/Унтааж чаддаггүй*) (отгадка – тень), Под землей / Гуси прячутся (*Газар доогур / Галуу нуунэ*) (отгадка – корни растений). Активно используются синонимы, обозначающие предметы материальной культуры, вышедшие из употребления.

В Заключении формулируются основные выводы, к которым пришел автор в ходе работы над диссертацией.

I. Анализ исторической эволюции, современного состояния и перспектив развития теории поэтики малых жанров монгольского поэтического фольклора показывает, что особенности каждого этапа более чем двухвековой истории изучения монгольского фольклора зависели от общего уровня мирового литературоведения и корпуса произведений, имевшегося в распоряжении исследователей. Исследование шло параллельно с собирательством; эмпирический, классифицирующий и теоретический подходы были соединены воедино. Факты выявлялись, систематизировались и анализировались одновременно.

Одна из особенностей длительного процесса изучения поэтики монгольского фольклора заключалась в наличии широких обобщений, философских умозрений, предвидении и интуитивного предвосхищения тех выводов, к которым пришли ученые в последующие годы на более высоком уровне филологической науки.

Западное, российское и монгольское литературоведение, используя историко-филологические и структурно-типологические методы исследования, внесло свой немалый вклад в решение вопросов генезиса ряда поэтических жанров, взаимовлияния поэзии разных монгольских этносов, своеобразия структуры, художественных и языковых особенностей произведений в зависимости от регионов их функционирования в монголоязычном мире, связи их с произведениями иных регионов центральноазиатского мира, роли собирателя, информанта, тематической классификации, влияния буддизма, шаманизма, происхождения поэтических символов. В круг интересов ученых вошли также вопросы, связанные с изучением фантастических образов, мифологических персонажей, древних культов, обрядности, пространства, времени, вещного мира, числовых моделей, роли человека и общества, обрядности, коммуникативного аспекта в поэтическом тексте. Вопросы поэтики малых жанров монгольского поэтического фольклора органически включались в исследования, касавшиеся крупных жанровых форм.

II. Изучение корпуса монгольских рукописей, находящихся в двух основных хранилищах России – Рукописном фонде и Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН, привело к следующим результатам.

В Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН хранятся тысячи образцов малых жанров монгольского поэтического фольклора и произведений иных жанров, имеющих поэтические вкрапления. Первые представлены сборниками песен, восхвалений, поучений, благодарений, обращений, благопожеланий, загадок, пословиц, поговорок, «слов по слушаю», заклинаний, просьб.

Среди вторых есть произведения следующих жанров: художественная авторская литература (романы, стихи), исторические сочинения (летописи, хроники, биографии), буддийская каноническая литература (вошедшая в Ганджур и Данджур), буддийская культовая и обрядовая литература (гимны, молитвы, благопожелания, покаяния, воскурения, послания, пророчества, обращения к буддийским культурам), небуддийский, конфессиональный, сакрально-медиативный, предиктивный фольклор (обращения к небуддийским божествам, проклятия, наговоры), сочинения по филологии (грамматики, словари), географии, астрономии, медицине, астрологии (сборники примет, гадательные тексты, относящиеся к различным видам магии – некромантии, скапулимантии, арифмомантии, ауспиции).

Фольклорные монголоязычные материалы Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН распадаются на две неравные части: записи текстов и материалы о фольклоре. Образцы устного поэтического творчества имеются в разнообразных по содержанию и типу коллекциях Архива: в неопубликованных монографиях и материалах к ним по истории, географии, религии, этнографии, литературе, языку, искусству монгольских народов; в подготовленных к печати научных статьях и черновых набросках; в конспектах книг, лекций; в рецензиях на книги; в курсовых студенческих работах; в диссертациях; в дневниках; в отчетах о научных поездках; в переписке с коллегами; в словарях и материалах к ним; в таблицах; в нотных записях; в планах; в описях.

Более всего произведений малых жанров монгольского поэтического фольклора и материалов о них находятся в трех тематических фондах (р. I, оп. 3; р. II, оп. 1; р. III, оп. 1) и девяти личных фондах (ф. 62, ф. 87, ф. 83, ф. 44; ф. 60; ф. 145; ф. 82; ф. 29; ф. А. В. Бурдукова). Образцы народной литературы относятся к различным монгольским диалектам и наречиям. Многие из этих произведений до сих пор не изданы.

Особенностью фольклорных монголоязычных материалов Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН, которые представлены всеми крупными и малыми фольклорными жанрами, является многоаспектность их содержания и разнообразие по форме записи.

III. Анализ поэтики малых жанров монгольского поэтического фольклора, касающийся идейно-эстетических взглядов монголов традиционного общества, структурно и сюжетно-стилистических особенностей народной лирики, позволяет сделать следующие выводы.

Малые жанры монгольской народной лирики можно представить таким образом:

1. Песни (*дуу*) – словесно-музыкальные произведения героического, исторического, философского, религиозного, лирического, любовного, юмористического, сатирического содержания. По манере исполнения и характеру мелодии бывают протяжными (*уртын*) и быстрыми (*богино*). Среди них есть обрядовые, и необрядовые.
2. Славословия, восхваления, гимны, панегирики, оды, магталы (*магтаал*, *цол*) – словесно-музыкальные или речитативные хвалебные произведения. Обращены к человеку, животному, объектам природы; связаны с жизненным циклом монгольского народа, календарными и религиозными праздниками.
3. Благопожелания (*ерөөл*) – речитативные поэтические обращения к человеку по различным поводам. Имеют обрядовое и необрядовое функционирование.
4. Поучения (*сургаал*) – стихотворные назидательные советы, наставления, как правило обращенные к молодому поколению.
5. Молитвы, заклинания, чтения (*тарни*, *унилага*) – поэтические тексты, содержащие обращения к буддийским святым и Будде. Исполнялись во время буддийских религиозных служб. Примыкают к ним так называемые «просьбы монаха-просителя, странствующего с трещоткой» (*дулдуй*).
6. Воззвания, призывания, испрашивания, мольбы-просьбы (*дуудлага*, *даллага*, *цацал мялаалга*, *дуулал*, *залбирал*) – древние поэтические тексты, содержащие обращения за помощью к небуддийским, шаманским божествам и дошаманским духам.
7. Заклинания, знахарские слова (*бөө мөргөл*, *шившлэг*, *дом*, *эм дом*) – поэтические словесные формулы, обладавшие, по представлениям древних монголов, магической силой, сопровождавшиеся обрядовыми действиями. Использовались в камланиях с целью получения желаемых результатов.
8. Проклятия, угрозы, речитативы, имеющие целью накликать мучения, беду (*хараал*, *занал*, *тамлага*) – древние поэтические порицания, хула, брань. Являются откликами на полученное от судьбы или конкретного врага зло.
9. Уги (слова), «слова по случаю», приветствия (*уг*, *белэг дэмбэрлийн уг*, *мэндчилгээ*) Образцы музыкально-речитативной торжественной декламации и ораторского искусства, произносимые по поводу какого-либо значимого события, имеющие параллели с еролами и магталами. Стихи, произносимые при встрече, дарении, получении подарка, отправлении в путь, начале и завершении дел.
10. Стихи-игры, стихи-пляски, скороговорки, считалки (*тоглоом-уг*, *жороо уг*, *хэл зүгшилүүлэх уг*, *ээдрээтэй уг*) – шуточные стихи, используемые в массовых действиях, воспитании детей, свободном времяпрепровождении. Стихи, построенные на сочетании трудно произносимых звуков.
11. Пословицы, поговорки, загадки, мудрые изречения (*цэцэн уг*, *мэргэн цэцэн уг*, *оньсого*, *мэргэн уг*) – меткие образные иносказательные выражения, обозначающие различные явления в жизни монгольского народа.

Монгольская традиционная поэзия развивалась в русле общей внутренней закономерности или художественно-поэтической традиции, проявляющейся в фиксированной системе художественных образов и правилах построения текста (его морфологический и содержательный аспекты).

Вся монгольская устная народная поэзия имеет канонический характер. Устойчивые повторяющиеся элементы, или формулы, функционируют на уровне стиля и художественной образности; они оформляют различные ситуации, действия, изображения природы, персонажей, чувства героев и являются элементами, на которых строится основной фундамент монгольской народной поэзии.

Устная народная монгольская лирика – это поэзия традиционных смыслов, идей, типичных образов. Формульности монгольской поэзии соответствует формульность традиционной жизни, каноничность традиционного смысла, заключенного в обыденности.

В монгольском фольклоре существует детский фольклор – особый пласт произведений, представляющий собой своеобразный культурно-игровой синкретический комплекс. Он включает движение, мимику, жест, речь, мелодию и преследует познавательную, развлекательную, эмоционально обогащающую, физически развивающую, умственно организующую цели и направлен на формирование человека, необходимого традиционному монгольскому обществу.

Детскому фольклору присуще жанровое многообразие. В его репертуар входят песни, благословения, поучения, бывальщины, небылицы, байки, анекдоты, былички, пословицы, поговорки, мудрые выражения, присловья. Существенное место в нем занимают обрядовые произведения: благопожелания, восхваления.

Колыбельные песни (*бүүвэй дуу*) возникли как песни-заклинания и изначально имели магические охранительные функции. Все они относятся к мелодическому жанру короткой песни с небольшим диапазоном мелодического звучания, односложной структурой распева и представляют собой вокализацию на слоги «*бүү*» и «*вэй*».

Идейно художественное содержание стихов-считалок раскрывается через игровое действие – вне игры они теряют свое значение. В считалках ярко видна игра звуков и ритма.

К особым фольклорным жанрам относятся игры монгольских детей, сопровождаемые песнями или стихами, так называемые «словесные игры», «соревновательные стихи», «игры мастерства рук», «игры на доске».

Детский фольклор по своей тематике и поэтике является органичной частью единого монгольского фольклора. Все его жанры играют большую роль в воспитании ребенка, способствуют закреплению и сохранению традиций, необходимых для жизнеспособности коллектива.

Монгольский народ имеет богатую смеховую культуру. Она нашла свое выражение в большом количестве фольклорных произведений малых жанров, в которых присутствуют различные типы смеха, а также в разработанности литературоведческой терминологии о различных видах и

типах комического, в богатой лексике монгольского языка, касающейся различных оттенков смеха.

Основными художественными приемами в сатирических и юмористических произведениях являются параллелизм и анафорическая аллитерация, интенсивно используются экспрессивная лексика, каламбур, оксюморон, перифраз, гротеск, иносказание.

В малых жанрах монгольского поэтического фольклора нашло проявление иносказание, явившееся обязательным элементом древней монгольской культуры. Иносказание/иноговорение было связано с анимистическими представлениями народа о природе как о непознанном, загадочном и подчас враждебном человеку явлении. Наиболее ярко иноговорение проявилось в загадках, оно стало одним из генетических факторов возникновения этого жанра. Изначально загадки были частью обряда и не включали установку на художественность. Происхождение ряда загадок рассматривается как реакция на запрет произнесения названий некоторых животных, предметов, имевших магическое значение. Жанрообразующим фактором загадок, или их основой, является использование слов-заместителей. Существуют разнообразные сочетания слов-заместителей и замещаемых слов. Наиболее древним типом монгольских загадок являлся тот, где объект и субъект сопоставлялись по линии действия или движения, где человек переносил на природу свое понимание мироустройства и ощущение жизни.

Анализ художественно-образной системы и композиционно-структурной организации произведений малых жанров монгольского поэтического фольклора, исследование архитектоники и технических приемов позволяет увидеть единство закономерностей, присущих малым поэтическим жанрам. Наличие этого единства говорит о существовании историко-культурной основы возникновения, становления и развития устного народного поэтического творчества монголов.

Общий вывод диссертации сводится к обоснованию богатства и разнообразия поэтики (как системы художественных приемов), характеризующей малые жанры монгольского поэтического фольклора. Художественный стиль подчинен идейной среде произведения. Используется большое количество художественных средств выразительности (эпитет, метафора, сравнение, гипербола) и других приемов стихосложения (аллитерация, рифма, ритм). Поэтика народной монгольской лирики неразрывно связана с образом жизни монгольских народов. В древности главное влияние на нее оказывал скотоводческийnomadicкий стиль жизни, в средние века ключевым фактором воздействия на художественную картину мира стал буддизм.

Монгольское поэтическое творчество всегда было открыто для инокультурных контактов. Первостепенной основой поэтики оставался кочевой характер монгольской культуры.

По теме диссертации опубликованы следующие работы
Монографии

1. Кульганек И. В. Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.– 320 с.– 20 п. л.
2. Кульганек И. В. Мир монгольской народной песни – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.– 224 с.– 14 п. л.
3. Цыбен Жамцарано. Путевые дневники: 1903–1907 гг. / Отв. ред. Ц. П. Ванчикова; Сост. В. Ц. Лыксокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек.– Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001.– 382 с.– 21,9 п. л.
4. Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Подгот. текста, предисл., введ., comment. и указ.– Кульганек И. В., Жуков В. Ю.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.– 404 с.– 25,75 п. л.

Статьи в изданиях, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»

5. Кульганек И. В. Особенности научного вклада российских исследователей в изучение монгольского поэтического фольклора в контексте мирового монголоведного литературоведения (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Кн. 4. Серия: Гуманитарные науки.– Казань: КГУ, 2007. – С. 18–31.– 1 п. л.
6. Кульганек И. В. Урумчи. Третий международный симпозиум, посвященный изучению эпоса «Джангар» // Восток. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008.– № 3.– С. 174–178.– 0,4. п. л.
7. Кульганек И. В. Буддийская культура: история, источниковедение, языкоzнание и искусство // Восток. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2007.– № 2.– С. 131–134.– 0,4. п. л.
8. Кульганек И. В. Юбилейные Доржиевские чтения «Буддийская традиция. История современность», посвященные 150-летию со дня рождения выдающегося религиозного деятеля, буддийского ученого и просветителя Агвана Доржиева (1854–1938) Санкт-Петербург, 25 – 27 ноября 2004 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2005. – № 3. – С. 146–150. – 0,4 п.л.
9. Кульганек И. В. Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН // Mongolica-VI.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.– С. 24–25.– 0,3. п. л.
10. Кульганек И. В. Монгольский песенник из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН // Mongolica-V.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.– С. 103–112.– 1 п. л.

11. Кульганек И. В. С. А. Кондратьев – Ц. Жамцарано // Mongolica-IV.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. – С. 106–112. – 1 п. л. (в соавт. с Д. Д. Васильевым).
12. Кульганек И. В. Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга // Mongolica-IV.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.– С. 23–25.– 0,6. п. л.
13. Кульганек И. В. Рецензия: Орлова К. В. История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX в. М.: Вост. литература, 2006.– 207 с. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2007.– № 2.– С. 181–186. 0,5. п. л.
14. Кульганек И. В. Рецензия: Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 2006.–256 с. // Mongolica-VII.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.– С. 136–137.– 0,3. п. л.
15. Кульганек И. В. Рецензия: Бойкова Е. В. Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. М.: Вост. литература, 2005.– 687 с. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2006.– № 5. С. 210–213.– 0,4.п. л.
16. Кульганек И. В. Рецензия: Яцковская К. Н. Поэты Монголии XX в.– М.: Экслибрис-Пресс, 2002.– 248 с. // Mongolica-VI.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.– С. 146–147.– 0,3. п. л.

Статьи в российских и зарубежных научных изданиях

17. Кульганек И. В. Развитие теоретических взглядов российских исследователей на монгольский поэтический фольклор // Востоковедение. Филологический сборник.– СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.– Вып. 27.– С. 264–285.– 1,5 п. л.
18. Кульганек И. В. Материалы о бурятах в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН: история, политика, этнография, фольклор // Сибирские чтения в РГГУ: Альманах.– М.: Изд. Центр Российского государственного гуманитарного университета, 2007.– Вып. 2.– С. 109–124.– 1,2 п. л.
19. Кульганек И. В. Российские исследователи (XVII–XIX вв.) о монгольском народном поэтическом творчестве // Россия и Монголия сквозь призму времени: Материалы междунар. конф. «Улымжиевские чтения-3».– Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 164–168.– 0,4 п. л.
20. Кульганек И. В. Формульность как основа канона монгольский устной народной поэзии // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.): Доклады российских ученых.– М., 2006.– С. 288–293.– 0,7 п. л.
21. Кульганек И. В. Монгольский фольклор в Отделе восточных рукописей и редких документов Санкт-Петербургского филиала Института

востоковедения РАН // Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Н. О. Шаракшиновой.– Иркутск: ИГУ, 2006. – С. 74–77.– 0,3 п. л.

22. Кульганек И. В. Принципы составления и структура нового Каталога материалов по монгольскому фольклору // Владимирцовские чтения-V: Доклады Всероссийской научной конференции. Москва, 16 ноября 2005 г.– М.: ИВ РАН, 2006.– С. 161–165. 0, 3. п. л.

23. Кульганек И. В. Фонды О. М. Ковалевского в архивах Санкт-Петербурга // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878).– Казань: Алма-Лит, 2004.– С. 251–266.– 1,2 п. л.

24. Кульганек И. В. Роль иносказания в генезисе жанра монгольской загадки // «Джангар» в евразийском пространстве.– Элиста, КИГИ РАН, 2004.– С. 263–266.– 0,4 п. л.

25. Кульганек И. В. Труды и учебные пособия О. М. Ковалевского по монгольской филологии // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878).– Казань, Алма-Лит, 2004.– С.– 177–208.– 1,7 п. л.

26. Кульганек И. В. Ранняя неизданная работа Г. Д. Санжеева «Первоначальные истоки монгольского эпоса» из Архива Востоковедов при СПбФ ИВ РАН // Санжеевские чтения-5: Материалы науч. конф. Ч. I.– Улан-Удэ: Изд. Бур. науч. центра СО РАН, 2003.– С. 51–65.– 0,8 п. л.

27. Кульганек И. В. Роль поэтического фольклора в традиционной модели социализации детей в Монголии // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций.– М.: ИВ РАН, 2002.– С. 279–289.– 0,5 п. л.

28. Кульганек И. В. О фонде О. М. Ковалевского в Архиве Востоковедов при СПбФ ИВ РАН // Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность.– Казань: Алма-Лит, 2002.– С. 22–36.– 0,7 п. л.

29. Кульганек И. В. Отражение смеховой культуры монголов в их фольклоре // Доклады российской делегации VIII конгресса монголоведов. 5–12 августа 2002 г.– М: ИВ РАН, 2002.– С. 230–235.– 0, 6 п. л.

30. Кульганек И. В. Язык монгольских народных песен как отражение смеховой культуры монголов // Язык и общество на пороге нового тысячелетия. Итоги и перспективы.– М.: Эдиториал УРСС, 2001.– С. 194–197.– 0,3 п. л.

31. Кульганек И. В. Неизвестная работа А. М. Позднеева о переводе Священного писания (из Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН / И. В. Кульганек //Altaica IV.– М.: ИВ РАН, 2000.– С. 43–70.– 1,7 п. л.

32. Кульганек И. В. Монгольский фольклор в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России.– СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.– С. 42–62.– 1,5 п. л.

33. Кульганек И. В. Нормы индо-тибетской поэтики в монгольской средневековой литературной традиции // Altaica III.– М.: ИВ РАН, 1999.– С. 44–57.– 0,7 п. л.

34. Кульганек И. В. Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН // Электронные библиотеки и базы данных в истории Евразии в средние века.– М.: ИВ РАН, 1999.– Вып 7.– С. 166–171.– 0,4 п. л. (в соавт. с И. М. Голубом).
35. Кульганек И. В. Материалы о бурятах в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона.– Улан-Удэ: Изд. Бур. науч. центра СО РАН, 1999.– С. 23–24. 0,3 п. л.
36. Кульганек И. В. Рецензия: Борджсанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика) на русском и калмыцком языках.– Элиста: Калм. кн. изд.-во, 2007.–592 с. Прил. С. 350–400. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии.– Улан-Удэ: БГУ, 2007.– № 1.– С. 129–133. 0,4 п. л.
37. Кульганек И. В. The English Missionaries in Siberia: Robert Yuille's Correspondence with O. M. Kovalevskij // Bolor-un Gerel Crystal-Splendour. Essays presented in honour of Professor Kara Gyorgy's 70th Birthday. V. I. Ed. by A. Birtalan, A. Rakos Budapest, 2005/2006.– P. 457–465. 0,6 п. л.
38. Кульганек И. В. П. К. Козловийн ахлах туслах: С. А. Кондратьевийн (1896–1970) амьдрал уйлс = Старший помощник П. К. Козлова: судьба и творчество С. А. Кондратьева (1896–1970) // NOMADIC. International Institute for the Study of Nomadic Civilizations. Ulaanbaatar, 2005. N 11. P. 90–110 (опрос хэлээр).– 1,1 п. л. (в соавт. с В. Ю. Жуковым).
39. Кульганек И. В. Materials about Buryats in the Osientalists' Archive at the Saint-Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Proceedings of the 45th PIAC. Budapest, 2003. P. 185–191.– 0,6 п. л.
40. Кульганек И. В. A Mongolian Folk Song Collection in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. Internation Jounal for Oriental Manuscript Research. St. Petersburg: Tesa Publishers.– Vol. 5.– N 2. June 1999.– P. 18–27.– 0,4 п. л.